

Авенир Декабрист

Приключения Азии

Авенир Декабрист
Приключения Азии

«Издательские решения»

Декабрист А.

Приключения Азии / А. Декабрист — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964530-2

Дочь руководителя научной экспедиции едва не погибает в океане. Отец готов на всё, лишь бы вернуть Азию к полноценной жизни. Невероятно опасные испытания преследуют их.

ISBN 978-5-44-964530-2

© Декабрист А.
© Издательские решения

Содержание

1. В дальний путь	6
2. Неизвестное животное	10
3. Бухта	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Приключения Азии

Авенир Декабрист

© Авенир Декабрист, 2019

ISBN 978-5-4496-4530-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авенир Декабрист

1. В дальний путь

Сырой декабрьский ветер пронизывал насквозь даже сквозь плотную одежду. Кружились поднятые с обледеневшей набережной снежинки. Серо-чёрные облака закрыли небо над бухтой Золотой Рог, будто предупреждая об опасности морских путешествий в такой неприветливый сезон года.

Научное судно «Кит» покачивалось у пристани. Экипаж готовился к отправлению вопреки природным катаклизмам. По навесной палубе прохаживался боцман Брагин — сорокапятилетний солидного телосложения моряк. Он наблюдал за снующими туда-сюда матросами и, одновременно, обозревал акваторию бухты, причал, людей на пристани. На берегу чуть в стороне от трапа стояли, в ожидании последних членов экспедиции, капитан Юрий Денисович Сомов, руководитель научной экспедиции Михаил Васильевич Носов, врач Анатолий Павлович Голик. У самого трапа дежурил матрос Пухов. Он и заметил первым приближающихся трёх женщин с вещами в обеих руках. «Идут», — объявил он и вслед за Голиком направился к дамам. Михаил Васильевич, следуя примеру, тоже поспешил к женщинам. Голик подошёл к ближайшей к нему Рите.

— Добро пожаловать на судно! Позвольте помочь. — Голик с улыбкой взял сумки из рук Риты. — Знакомиться будем на корабле, а то погода слишком недружелюбная.

— Спасибо, — успела сказать Рита и поспешила за широко шагающим Анатолием Павловичем.

Пухов тем временем остановился возле второй молодой девушки.

— Здравствуйте, разрешите помочь. — Матрос, не ожидая ответа, взял вещи у Маши и кивком головы пригласил идти за собой.

Михаил Васильевич стоял возле элегантной женщины, на вид лет тридцати пяти, просто любовался ею, ничего не предлагая. Анастасия в ответ улыбалась чарующе и стеснительно. Михаил наконец сбросил оцепенение, взял сумки и кратко произнёс:

— Помогу.

— Спасибо! Я — Анастасия Семёновна, врач-терапевт.

— Очень приятно! Михаил... Васильевич. Идёмте.

У трапа уже раздавался не очень громкий, но уверенный командный голос Юрия Денисовича:

— Здравствуйте, дорогие, милые, дамы! От себя лично и от имени команды приветствую вас на борту нашего «Кита». С этого момента, вы уже не просто дамы, а члены команды. Поднимайтесь. Игорь Степанович — старший помощник — встретит на борту и покажет ваши каюты, ответит на все вопросы об устройстве. Через час встретимся все вместе в кают-компании для знакомства. А я — капитан, и зовут меня Юрий Денисович. Форма обращения ко мне не имеет значения. Не смею задерживать...

Дамы шли по коридору между каютами за статным красавцем Игорем Степановичем.

— Скажите, а почему эта палуба называется верхней, если над ней есть ещё одна? — высказала любопытство Рита — девушка с веснушками.

Над верхней палубой расположена так называемая навесная палуба. Она не доходит до носа судна и до кормы, как бы усечена. Так принято называть палубы на флоте. — Старпом терпеливо и, как видно было, с удовольствием объяснял симпатичным членам медицинской команды, постоянно оглядываясь на них на ходу. Позади матросы несли личные вещи девушек и не вступали в разговор.

Неожиданно для новеньких послышался детский голос за дверью одной из кают.

— Здесь есть дети? — с удивлением спросила Анастасия.

— Это сын Азии — дочери руководителя экспедиции Михаила Васильевича.

Анастасия обратила внимание на изменившийся тон в голосе Игоря Степановича. Мелькнула мысль о равнодушии, но спросила, естественно, о другом:

— Интересное имя — Азия. Она медик или научный работник?

— У неё нет прямых обязанностей. Но готова помогать всегда и всем... Кстати, введу вас в курс дела. На судне есть команда матросов, медицинская бригада и коллектив научных работников. Вы — медики — независимая структура. Но подчиняетесь указаниям капитана и его заместителей, то есть меня и боцмана, не во всём, конечно, только в организационном плане. Так вот, на судне две кают-компании: для матросов и для учёных. У вас нет своей общей каюты для совместных встреч. Но медицинская часть занимает несколько кают, и вам найдётся место для собеседований в узком кругу. Можете наведываться к учёным. Они только рады будут. Моряки тоже не прочь почаще общаться с вами, но дисциплина есть дисциплина. Встретимся на территории науки. Вот ваши три каюты рядом. Выбирайте сами. Всё необходимое имеется. За вопросами приходите ко мне. На каюте табличка «старший помощник». Каюта — там, в конце коридора.

Беседа в кают-компании учёных заканчивалась, когда все почувствовали толчок.

— Буксирный катер, — кратко пояснил Юрий Денисович. — Отправляемся. — Он посмотрел на часы. — Тринадцать ноль-ноль. Строго по графику.

— А вы не суеверны? — посмотрела на капитана Анастасия с едва заметной тревогой в голосе.

— Юрий Денисович сам творец суеверий, — с озорством опередила капитана с ответом Азия.

Маша и Рита состроили такие удивлённые рожицы, что старпом засмеялся.

— Нет, чтобы пояснить, а вы надсмехаетесь! — полушутя-полусерьёзно сказала Рита. Мужчины ещё больше развеселились.

— Не обижайтесь на них, — приободрил девушку Сомов. — Здесь вы много увидите приколов и подтруниваний. Что поделаешь? На море мало развлечений. — Капитан встал. — Анатолий Павлович, ведите свой персонал в медчасть. По своей линии пообщайтесь и, если хотите, выходите минут через десять на навесную палубу. Будем встречать стрижа.

— Сплошные загадки на этом таинственном судне! — высказалась Маша.

— То ли ещё будет! — засмеялась Азия. Чувствовалось, что у неё сегодня прекрасное настроение.

Анатолий Павлович представил вновь прибывшим ещё троих медиков: врача-офтальмолога Николая Постнова, санитаров Дениса и Захара.

— Итак, у нас в команде: терапевт — вы, Анастасия Семёновна; офтальмолог; отоларинголог — вы, Маша; медсестра — Рита; два санитаря, и я — хирург. У нас есть операционная, реанимационная, две диагностических каюты, приёмная, каюта дежурного врача, процедурная. Оборудование — на все случаи жизни.

— Впечатляет, — с некоторым удивлением и, одновременно, радостью заметила Анастасия. — что, это так необходимо в экспедициях?

— В жизни всякое бывает, тем более вдали от берегов, — серьёзно попытожил свою информационную речь Голик. — Завтра с утра приходите на работу, — Анатолий заулыбался. — Ну, как бы на работу. Когда полностью осмотритесь, будете по очереди, и я в том числе, хоть и старший врач, дежурить. Всем торчать здесь сутками нет смысла. Нас пригласили встретить «Стрижа», так пойдёмте.

«Кит» покидал пределы бухты. Остались позади высокие сооружения на причале, и — как пояснил старпом — вертолёт мог безопасно совершить посадку на палубу. Винтокрылая

машина пронеслась низко над судном, приветливо покачиваясь с боку на бок, взмыла повыше, совершила крутой вираж и, остепенившись, зависла над палубой. Медленно, с осторожностью ступающего по льду человека, прикоснулась к скользкой поверхности палубы. Пилот убедился, что машина не скользит, сбросил обороты. Вертолёт как бы осел под своей тяжестью. Винт замедлил обороты и вскоре остановился. На борту красовалась надпись «Стриж». Открылась дверь, выглянул пилот. Он приветливо помахал рукой и опять исчез из поля зрения. Вскоре наружу полетели какие-то тросы. Следом выпрыгнул лётчик.

— Здравствуйте. Я — Виктор Крылов. Пока знаком только с Юрием Денисовичем. Вот, прибыл в ваше расположение и в ваше распоряжение. Принимайте.

— Ура! У нас свой вертолёт и симпатичный пилот, — закричала Рита.

— Ура! — поддержала Анастасия.

— Я первая в очереди на обучение летать, — подскочила Азия к Виктору и так мило улыбнулась, что молодой мужчина тут же согласился.

— Вам не смею отказать.

К вертолёту подошли другие, в том числе два матроса. Один из них сказал:

— Поможем швартовать. Покажем, как крепить трос на палубе.

Мужчины занялись швартовкой, остальные постепенно покинули навесную палубу. Юрий Денисович подождал, пока Виктор закончит своё дело, и повёл его в рубку. «Обговорим детали», — пояснил капитан.

После разговора с пилотом Сомов открыл бортовой журнал и сделал запись: «12 декабря 2008 года, 5.00 по Гринвичу вышли из порта Владивосток».

Прошло три дня. Жизнь на корабле постепенно входила в отлаженный ритм. Моряки выполняли обыденную для них работу, Учёные теоретически и практически готовились к исследованиям. Азия пока не выпускала из каюты своего четырёхлетнего сына Петю из-за холода и обледеневшей палубы. «Скоблить палубу не будем, — объяснял боцман, — войдём в тёплые широты — само растает». Сама Азия прогуливалась часто по верхней палубе, и не одна. Однажды Виктор заметил её в компании с Игорем. Они мило беседовали на трапе между палубами. Так что проход был занят. Виктор, смутившись отчего-то, не стал им мешать и отправился к другому трапу. Толи в спешке, толи невзначай пилот поскользнулся и в падении ушиб колено. Ковыляя направился в медчасть.

— Рождённый летать, ходить не может! — шутливо заметила дежурившая Анастасия. — Ничего страшного — до свадьбы заживёт, как говорится.

— Спасибо за благоприятный диагноз. Только вотстораживает мысль: а если свадьба через много-много лет? Так и ковылять по жизни?!

— Значит, чтобы не хромать, поскорей найти подругу жизни.

— Хороший совет. Приму к сведению. Ещё раз спасибо. — Виктор улыбнулся на выходе, оглянувшись на Настю. «А она ничего!» — подумал он на мгновение, и мысли тут же перенеслись на Азию.

С каждым днём становилось всё теплее. Настало время, когда путешественники могли загорать на палубах. Правда, занимались этим лишь некоторые: в основном женщины, да изредка учёные. Азия любила ходить в купальнике по всем палубам и, не обращая ни на кого внимания, громко распевать песни. Многие смотрели на неё с улыбками, обожанием и любовью. Ещё Петя с мамой весело озоровали, бегая по судну. Юрий Денисович, привыкший к порядку, лишь качал головой. Михаил Васильевич же вмешивался, приструнивая шалунов:

— Азия! На судне существует порядок, обусловленный, в первую очередь, безопасностью! Осторожней, не позволяй всё ребёнку. Не для того вас взял с собой, чтобы беспокоиться каждое мгновение!

— Папа, всё под контролем! Нет причин волноваться.

— Я вот думаю, — поменял тему разговора Михаил, — интересно ли будем вам с Петей в океане?! Мы застрянем в Микронезии надолго.

— Я хотела побывать в местах, где родилась. Мы ведь посетим Понпеи?! Знаешь, у меня кое-какие воспоминания остались. Помню, как сильно ушибла голову, а вы с мамой успокаивали меня. Помню, как играла с ребятами. Сколько мне было, когда мы покинули остров?

— Три с половиной года.

— Как давно это было! — Азия погрузилась, вздохнула и упорхнула.

Девятого января «Кит» остановил движение вблизи группы островов, где предполагалось начать исследования. На следующий день Виктор слетал на остров Понпеи, где расположена столица Федеративных Штатов Микронезии, для заключения контракта на обслуживание вертолёта в аэропорту при необходимости. Пребывание судна в водах Микронезии оформилось договором ещё до выхода в плавание. Так что на этом официальные контакты прекратились. Можно было начинать научную работу.

Виктору Крылову капитан и научный руководитель поставили задачу обследовать с воздуха ближайшие острова, акваторию между ними. Виктор работу выполнил, составил детальный план. Но однажды потребовалось уточнить глубину на середине плато между островами, на котором и намечались исследования. Виктор готовился к полёту, когда на стоянку нагрянула Азия. Она, словно вихрь, принесла целый ворох фраз, эмоций, улыбок, озорных взглядов. Пилот сдался — согласился взять девушку в полёт. Подошли Сомов и отец Азии. Им не очень понравилась идея о воздушной прогулке пассажирки. Крылов вступился: «Мы же не далеко полетим. Совсем рядом! В случае чего — сядем на судно».

Виктор сидел на левом кресле, на правом — Азия. Оба были веселы и возбуждены.

Азия управляла вертолётом. «Стриж» то кренился, то менял угол тангажа. Азия очень эмоциональна воспринимала своё занятие. Её мимика приводила Виктора в радость. Он откровенно любовался ею, гладил руку.

— Молодчина! Ты — прирожденный пилот и завтра полетишь самостоятельно.

— Так уж и сам... — Азия резко оборвала речь. Видно, что она осознала ласку Виктора; выражение лица изменилось — она не готова к подобному обращению и не желает. Виктор понял состояние Азии и резко убрал руку, настолько поспешно, что сделал ситуацию ещё более неловкой.

Дальнейшая тренировка прошла менее азартно и они, по обоюдному согласию, вернулись на судно.

Ещё дважды Азия просилась в небо, и Виктор брал её с собой в кратковременные полёты.

2. Неизвестное животное

Вертолет выполнил вираж над судном, затем взмыл выше, обозревая до двух десятков людей, плавающих с аквалангами, какими-то устройствами и безо всего. Некоторые смотрели вверх и махали рукой.

На палубе неподалеку от рубки стояли капитан с биноклем на шее и Михаил. Они наблюдали за работой на воде. В океане слышались возгласы, смех.

— Вы — научный руководитель, Михаил Васильевич, и вам решать, как долго оставаться здесь.

— Юрий Денисович, я сам в неведении. Да, просто не могу оценить необходимость и продолжения исследования, и прекращения. Результаты неоднозначны... Может быть, причина аномалии в особой биосистеме этого уголка океана. Здесь мелководье, почему-то нет крупных обитателей: акул, крокодилов и прочих. Мелкая живность не такая, как в ближайших районах.

— А откуда вы знаете про этот уголок океана?

— Когда я жил на острове Понпеи, местные рыбаки приносили мне непонятных рыб, крабов и других морских обитателей. Знали, что я учёный. Так и разузнал о наличии непонятного ареала. Жена знала местный язык и расспрашивала рыбаков о местах, где они находили мутантов.

— Понимаю. А нет ли смысла привлечь другие экспедиции?

— Нет! И дело не в престиже. У нас каждый сотрудник четко представляет свою роль и свою ответственность. Любой непосвященный в тонкости легко обрушит отлаженную систему. Мы ведь продумали все мелочи и для чистоты анализов просим не сбрасывать за борт отходы, чтобы сохранить уголок природы максимально не тронутым. — Михаил размашистым жестом показал на расположенную ниже верхнюю палубу. — Это только кажется, что они развлекаются, играют в шахматы, пляшут. Работа идет своим чередом.

— Виктор вернулся, — обозначил капитан окончание разговора на эту тему.

Вертолет приземлился на палубу. Из него вышли Крылов и двое неизвестных. У мужчины азиатской внешности на плече висела небольшая спортивная сумка. Второй — побрит наголо. В руке он держал увесистую сумку. Виктор направился в сторону капитана, пассажиры пошли за ним. За пределами вертолетной площадки Виктор обернулся.

— Подождите здесь. К вам подойдут.

Его спутники остановились на месте, стали с интересом осматриваться. Виктор подошёл к руководителям.

— Юрий Денисович, на базе напоминают о продлении контракта на обслуживание.

Михаил Васильевич, привез двоих: очередной корреспондент и проситель. С ними Лепёшкин поговорит — он у нас специалист по иноземным контактам.

— Какой такой проситель? — удивился Михаил. На лице капитана также обозначилось внимание, так как население судна подчиняется именно ему.

— Говорит, что учёный, желает работать у нас.

— Мы же не берем никого, — возразил Носов.

— У него какой-то документ из Академии Наук,

На верхней палубе вдоль левого борта стояли несколько матросов и научных сотрудников. Матросы наблюдали за происходящим в океане. Учёные возились с приборами, оборудованием. Берёзкин и Смышляев — научные сотрудники — играли в шахматы, пристроив доску на высоком ящике с оборудованием. Смышляев взял в руку фигуру, почесал этой рукой затылок, поставил фигуру на новое поле и произнёс задумчиво-отрешённо:

— А фамилия ваша как?

Его соперник также отстранённо ответил:

— Бе-рёз-кин. — Тут он встрепенулся и обратился к стоящему у борта коллеге со спиннингом в руке. — Валера, не пора удочку тянуть?

— Еще несколько минут, — ответил не оборачиваясь Валерий.

— Ну-ну, не проморгай!

— Это ты не проморгай... мат в три хода.

Мимо них шла Надежда Ивановна (женщина лет пятидесяти) — няня Пети.

— Здравствуйте, товарищи учёные.

— Да-да, — ответил невпопад Смышляев, отчего рассмеялся, стоящий спиной к ним, Валера.

— Доброе утро, Надежда Ивановна, — повернулся к ней Валерий.

Надежда посмотрела на солнце в зените.

— Утро в разгаре, — улыбнулась она. — Не буду мешать.

Надежда подошла к трапу, ведущему на навесную палубу. Поднялась наверх и оказалась возле компании мужчин. Они замолчали, обращая внимание на нее.

— Михаил Васильевич, Петенька рисует в каюте. Просится на палубу поиграть. Азия ушла куда-то. А я на камбуз — приготовить обед для него.

— Без присмотра нельзя. Пусть ждет маму. А обедать пора вместе со всеми, — суховаато ответил Михаил.

— Ну, что вы! Ребёнку нужен свой рацион.

— Делайте, как знаете... Впрочем, я схожу к нему, Надежда Ивановна.

Михаил и Надежда за ним начали спускаться по трапу.

На вертолётной площадке к прибывшим на вертолёте пассажирам подошёл Алексей Лепёшкин — старший научный сотрудник.

— Приветствую вас! Кто откуда и зачем?

Бритоголовый и азиат переглянулись. Второй начал объясняться с сильным акцентом.

— Зарми. Я... этот, корреспондент. Австралия. Журнал «Наука и океан». Про ваш «Кит» никому ничего... не понятно. Мне задание — прояснить.

— Из Индонезии — понятно было бы, но Австралия, не близко!

— Мы везде успеваем... быть.

— В океанах столько судов! А вы почему-то к нам. Честно скажите: зачем явились?

— Вы думаете, я этот... шпион?

Лепёшкин улыбнулся и похлопал Зарми по плечу.

— У нас не за чем шпионить. Я про другое: кому-то очень любопытно... Ну, да ладно, — Лепёшкин показал рукой в сторону Сомова, — всё равно вам надо подойти к капитану.

Зарми направился в указанном направлении. Алексей повернулся к бритоголовому, который в этот момент смотрел вниз на верхнюю палубу.

— Что там интересного?

— Наблюдаю за шахматистами. Вон тот, что повыше, какой-то странный.

— Учёные все странные. А он отчего?

— С памятью у него плоховато, — вполне серьёзно заявил бритый, — всё фамилию спрашивает у соперника, никак запомнить не может.

— Ну, ты даёшь! Это ж поговорка такая... у него. Про себя рассказывай.

— Я давно слежу за научными трудами Михаила Васильевича. Обратился в Академию Наук с просьбой направить меня работать с ним.

— И что же вы собираетесь здесь делать?

— Все, что угодно. Я много знаю и умею. Я, как раз, пишу диссертацию...

— Прекрасно. Но нам вы не подходите!

— Почему это?! — опешил новенький.

— Скажу по секрету, Михаил Васильевич не любит яйцеголовых.

— Простите, но звучит как-то оскорбительно.

— Что вы, дружище! Какое оскорбление? Я про имидж. — Лепёшкин при этом пальцем очертил круг над своей головой, затем ладонью провёл по щекам, намекая на бритый череп и небритый подбородок. — Это всего лишь моё мнение. Покажитесь капитану — вон он стоит с вашим попутчиком. Затем встретитесь с Михаилом Васильевичем. Может, ему вы и понравитесь.

К капитану и Виктору тем временем приблизился Зарми.

— Господин капитан, я из Австралии. Зарми — корреспондент издания «Наука и океан». Я могу рассчитывать на понимание важности моей миссии и на содействие?

— Ну, если важности, — сказал Юрий Денисович с легкой улыбкой-усмешкой, — тогда как же не содействовать. — Затем поменял резко тон на серьёзный. — Значит так: матросов не отвлекать, ученых допрашивать с разрешения руководителя экспедиции. Михаил Васильевич — его величают. Можете погулять, пока не встретитесь где-нибудь. — Подошёл бритоголовый. Капитан, опережая его, рукой показал на Зарми. — Вы вместе погуляйте.

Бритоголовый, не совсем понимая, смотрел на капитана, на Зарми, который жестом руки позвал за собой, берясь за поручни трапа.

— Follow me.

Капитан и Виктор поглядели на спускающихся вниз, на водное пространство возле судна, где продолжалась работа. Виктор неуверенно начал разговор на щекотливую тему:

— Юрий Денисович, неудобно говорить на такие темы... Всё же с вами хочется пооткровенничать своими мыслями... Я про Михаила Васильевича и Надежду Ивановну... Мне кажется, она не просто добрый и внимательный человек... по отношению к Михаилу Васильевичу и к его дочери, внуку... Мне непонятна его холодность в ответ на явную нежность.

Капитан внимательно посмотрел в глаза Виктору.

— Ты умный и порядочный человек. Поэтому с тобой буду откровенен. Я знаком с интригами и сплетнями на судах. Пресекаю на корню! Ты надёжный и поэтому, наверное, просто должен знать... Надежда Ивановна давно стала лучшим другом семьи Михаила Васильевича, ещё при жизни его жены. Помогала растить и воспитывать Азию, а затем и её сына... Думаю, она любит его... давно уже. Но, он, как мне кажется, просто не хочет ничего менять в своей жизни. Он одержим работой. — Юрий Денисович посмотрел в бинокль по всем направлениям. — Что машину не швартуешь? Погода портится. Видишь, облака наползают.

— Я знаком с прогнозом. К ночи заштормит слегка. Я еще у Михаила Васильевича спрошу: не нужен ли ему полет.

Петя сидел за столом и рисовал в альбоме. На кровати присела Надежда Ивановна, а Михаил стоял возле Пети, поглаживая его рукой по плечу, по волосам.

— Деда Миша, я рисую наш корабль. Видишь, какой он большой? А ещё...

— Не такой уж большой наш корабль. Нам бы побольше.

— Петенька, — вступила в разговор няня мальчика, — твой дедушка руководит многими людьми. Поэтому, если ты назовешь его при всех дедой Мишей, то это будет выглядеть несерьёзно. Пожалуйста, приучайся говорить «дедушка».

— Няня, какой же он дедушка? Дедушки — старенькие, а деда Миша вон какой пряткий.

Михаил широко улыбнулся, наклонился близко к лицу Пети, посмотрел в глаза и пальцем коснулся носа.

— Какой, какой? От кого же ты услышал такую оценку. Прыткий!?! Вот какой я, оказывается! А называть меня можешь как угодно — это не так важно.

— Деда Миша, дедушка, а зачем нам корабль еще больше, чтобы всякие там пушки поставить и матросов к ним?

— Петя, ну зачем нам пушки! Нам еще оборудование нужно, лаборатории.

— А там, наверно есть пушка, я видел.

— Та пушечка для отпугивания назойливых морских обитателей, — пояснил дед, рассматривая рисунок Пети. — А у тебя, я вижу, всё точно нарисовано, как есть. Только непонятно, что это синее.

— Это такое незнакомое животное... я во сне видел. Оно подкралось к пловцам и наблюдает.

Михаил посмеиваясь взъерошил волосы Пете.

— Эх ты, фантазёр! Вот что: ня... На-дежда Ивановна пойдет на камбуз, чтобы попросить что-нибудь вкусненькое для тебя. Ты рисуй и жди маму, вместе погуляете на палубе. А мне пора!

— А кок на нашем корабле неправильный! — нашёл новую тему мальчик, настроенный на общение с дедушкой.

— Как так? — заинтересовался Михаил Васильевич.

— Ну, кок должен быть толстый.

— Кто ж тебе такое сказал?

Петя замылся в поисках нужного ответа и уклончиво произнёс:

— Да... это... дядя Лёша говорил...

— Лепёшкин?! Он и не такое скажет... Всё, я пошёл. — Михаил Васильевич энергично последовал к двери.

Надежда поцеловала Петю в лоб и вышла следом за Михаилом.

В коридоре открылась дверь одной из кают. Из неё вышла Азия, повернула голову в сторону каюты и произнесла назидательно: «Тайна всегда должна оставаться тайной и не превращаться в секрет, который все знают». Азия пошла по коридору. Дверь каюты закрылась. Некоторое время коридор оставался пуст. Вновь открылась дверь той же каюты. Вышел старший помощник Игорь, огляделся, одёрнул форменный китель и пошёл в ту же сторону, что и Азия.

Сомов стоял у входа в рубку, смотрел на нос корабля, затем перевёл взгляд в сторону трапа. Наверх по трапу поднимался старпом. Он увидел капитана, поправил китель. За несколько метров до встречи капитан, глядя в сторону, сдержано и сухо сказал старпому:

— Игорь Степанович, я думал — вы в рубке. Там, оказывается, никого!

— Я отлучился ненадолго... нужно было.

— Служба есть служба! Предупреждать следует... Подготовьте документы на продление контракта с береговой базой.

Старпом с недовольным лицом отправился в рубку. Капитан, пройдя следом несколько шагов, остановился и медленно двинулся к трапу.

Берёзкин и Смышляев продолжали игру в шахматы. Валера крутил спиннинг. Словно рыбку перехватил в воздухе укрепленный на конце стеклянный резервуар. Отцепил его, стал разглядывать. Внутри виднелись отдельные мелкие водоросли и красные движущиеся комочки. Продолжая занятие, произнёс указание:

— Гроссмейстеры, нужно отнести в лабораторию. Время — пятнадцать тридцать, место — у левого борта, глубина — пять метров. Да не перепутайте!

— Отнесу, сейчас только... — согласился Берёзкин.

— Получит мат в три хода, — перебил его Смышляев.

— Откуда вдруг! Всё защищено.

Смышляев взял ладьёй слона белых, указывая раскрытой ладонью на доску.

— Ошибочный психологический настрой. Пешка в связке со слонем не всегда его защитница. Так что, иди, иди... в лабораторию.

Березкин задумался, отвернулся в сторону океана, поднял вверх палец, поддерживая сказанную следом фразу.

— Точно! Связка не всегда одно целое! Я про нашу гипотезу... Кажется, догадываюсь, в чем мы ошибаемся.

Послышался голос Азии, откуда-то с правого борта. Трое собеседников и другие сотрудники и матросы, находящиеся в поле зрения, прислушались. Азия пела.

Она шла медленной, легкой походкой, словно танцуя – так грациозно выглядела. Азия глядела на небо, на океан, на лица смотрящих на нее людей и пела свою песню.

В синем зовущем просторе плывут облака.
А нежные волны и неба и моря
дурманят слегка.
Как легкая птица парю над водою,
взлечу высоко...
И солнце, и небо сольются со мною. Таинственной ночью я стану
звездой...

Михаил направлялся в сторону носа корабля, когда услышал голос Азии, впереди рубки повернул к правому борту. За ним, отстав метров на двадцать, следовал капитан. Друг за другом присоединились к Лепешкину, который стоял и смотрел вниз на Азию. Алексей повернулся к начальству и произнёс воодушевленно:

— Красиво поёт! Только вот не знаю, что это за песня. Нигде её не слышал, лишь от Азии.
— Лепёшкин замолчал и все прислушались, наслаждаясь дивным голосом. Азия продолжала петь.

И солнце, и небо сольются со мною.
Таинственной ночью я стану звездой...

— Эту песню написала она сама, когда ей было лет пятнадцать-шестнадцать, — объяснил Михаил Васильевич. — Мы тогда отдыхали на море. И название дала: «Моя песня»... Теперь о деле. Пробы по графику?

— Да, конечно! — доложил Лепёшкин. — Повышение активности планктона. Внешних раздражителей нет. Сейсмическое поле, электромагнитные излучения — всё на прежнем уровне.

— Аквалангисты на связи? Они ничего необычного не обнаруживают?

— Доложили бы уже! Куртов опытен, как никто...

На ремне Лепешкина трубка рации издала сигнал. Лепешкин взял аппарат в руку, посмотрел на дисплей и поднёс к уху.

— А вот и он, легок на помине... — прокомментировал Алексей и ответил Василию: — Да, на связи. — Лепешкин молча выслушал собеседника, затем передал трубку Михаилу. — Спрашивает: продолжать работу или сворачиваться, а то погода портится.

— Ребята, еще немного, — сказал Михаил по рации, замолк, увидев Азию на носу корабля. Сориентировался и добавил: — Поработайте с полчаса. Успеете выбраться до шторма, если он и будет ещё.

Михаил держал трубку так, словно собирался немедленно сообщить что-то важное, но молчал и продолжал смотреть на Азию. Она стояла на носу, вдруг резво расправила руки в стороны, словно изогнутые крылья птицы и, оттолкнувшись, прыгнула в воду.

— У вас никогда не возникает чувство опасения за Азию? — тактично спросил Юрий Денисович. — Она порой чересчур смело... я бы даже сказал — рискованно...

— Да уж говорите прямо — безрассудно.

— Нет, я так не думаю. Просто... очень... смело, — подбирая слова капитан, не сводя глаз с водной поверхности.

Азия вынырнула из воды с полным задора и восторга лицом. Посмотрела в сторону судна, махнула рукой.

— Э-ге-гей! — крикнула она и поплыла в сторону наиболее удаленных от судна пловцов.

Михаил, капитан и Лепешкин перешли на левый борт, наблюдая за Азией. Носов нажал кнопку передатчика на трубке:

— Куртов, Вася, проследите за Азией. Она, кажется, плывет в вашу сторону.

Несколько человек стояли у борта на верхней палубе и тоже наблюдали за Азией. Берёзкин обратился к Валерию:

— Валера, а теперь ты свою спой.

Тот шумно вдохнул, картинно расправил широко грудь. Запел на простенькую мелодию:

— И только свежий ветер с Бенгальского залива освежает мне взволнованную грудь...

К певцу повернулся бритоголовый, подёргал его за рукав.

— Простите великодушно, Бенгальский залив у побережья Индостана. И ветер оттуда...

— Бритоголовый развёл руками, изображая «дохлый номер».

— Да, дядя, ничего-то ты не понимаешь... А, собственно, кто вы такой, почему не доложили?! — начал новое выступление Валерий в привычном для многих амплуа балагура.

Азия уже среди группы аквалангистов. Нырнула с открытыми глазами, наблюдая тела пловцов, рыбёшек, других морских обитателей, оборудование, плавающее на поверхности. Куртов ожидал её появление из воды. Она вынырнула совсем рядом и опередила возможные его наставления о безопасности, ведь этот, мужественного вида сорокалетний человек, работал спасателем.

— Ребята, помощь не нужна? Кого поймать или напугать?

— Азия, мы скоро закругляемся, и ты, пожалуйста, тоже плыви поближе к судну.

— Я серьёзно хочу чем-то помочь. Скучно на палубе. Не прогоняйте.

— Мы знаем, что ты отличный пловец. Как-нибудь попрошу помочь, даю слово. А сейчас, правда, заканчиваем.

Азия не успела ничего сказать. Вынырнул аквалангист, сдёрнул маску, показал рукой вдаль от судна, где метрах в пятидесяти от них на волнах качался металлический ящик с оборудованием, и произнёс встревоженно:

— Василий! Там...

Все трое повернулись в сторону указанного ящика. Через мгновение вода вместе с ящиком словно вздыбилась и крутой волной двинулась на них...

Бритоголовый с борта заметил происходящее и изменившимся тоном перебил весельчака Валеру:

— Смотрите! У них что-то происходит. Надо доложить наверх. Вон стоят капитан и Михаил Васильевич, — показал он на навесную палубу...

Куртов быстро сориентировался и выкрикнул:

— Ныряй к судну!

Волна стремительно настигла их, разбросала по сторонам. Под водой виднелись судорожные движения тел людей...

Компания на верхней палубе продолжала внимательно смотреть на бешенный водоворот там, где находились Азия, Куртов и аквалангисты. Мелькали руки, головы, то выныривая, то скрываясь под водой. Из воды периодически показывались плавники непонятного животного. Берёзкин не выдержал напряжённое зрелище, пронзительно вскрикнул:

— Да это ж акула!.. Наверное.

— Надо что-то делать, — добавил Смышляев, затем громко прокричал: — Эй! Помощь нужна!

Несколько матросов уже бежали к шлюпкам. Лепёшкин с навесной палубы посмотрел на них и обратился к Сомову, который вместе с Михаилом встревоженно следили за круговоротом людей и непонятного объекта, напоминающего акулу.

— Капитан, что вы намерены делать?

— А что тут сделаешь. Спасательная команда своё дело знает и через минуту будет на воде.

— Успеют ли, — с тягостным надрывом произнёс Михаил Васильевич.

Сомов кратко потребовал:

— Спросите, Алексей, по рации: что происходит?!

— Им не до рации... Что или кто там разбуянился?! Не отвечают они, — спокойно и уверенно ответил Лепёшкин.

— Незнакомое животное. Подкралось и наблюдает, — вполголоса пробормотал Михаил Васильевич. Капитан и Лепёшкин недоуменно глянули на него.

Две шлюпки опустились на воду у борта. В воду заранее прыгнули шесть человек; теперь они забрались в шлюпки, отцепили тросы и принялись энергично грести. Михаил и Лепёшкин нетерпеливо вглядывались то на шлюпки, то на группу Куртова. Капитан оставался более спокойным, лишь тёр рукой подбородок. Подошли матрос Пухов и с ним сотрудник, который и начал говорить:

— Подсказывают, может, пушкой пальнуть — напугать, если там... акула, пока не поздно. А то скоро шлюпки туда придут.

Лепёшкин посмотрел поочередно на капитана и на Михаила.

— А что?! Смысл есть. Решайте, капитан.

— Вам решать, Михаил Васильевич, — твёрдо заявил Сомов. — Всё-таки есть опасность для... людей.

Михаил несколько секунд мучительно раздумывал, затем от безысходности кивнул.

— А-а-а, согласен.

Юрий Денисович тут же обратился к Пухову:

— Давай, братишка, поточнее прицелься, чтобы не задеть кого-нибудь. Быстрой!

Матрос побежал к пушке...

Виктор держался за только что пристегнутый трос швартовки, повернув голову в сторону океана. Решительно отцепил трос и почти бегом заскочил в вертолет. Вскоре винт начал вращаться. Через минуту вертолет поднялся в воздух. Виктор в кабине с высоты десять метров смотрел вниз на воду, одновременно выходя на связь.

— Рубка, я — Стриж.

— Стриж, я — рубка, наблюдаю вас. Буду в режиме ожидания, — раздался в наушниках голос старшего помощника.

— Посмотрю сверху, вдруг помощь потребуется...

Игорь выглядывал из окна рубки, когда раздался выстрел пушки. Следом послышался звук негромкого взрыва. Матрос Пухов очень долго, как казалось ему, смотрел в оптический прицел пушки, не в силах оторвать взгляд от сотворённой им картины, словно опасаясь увидеть напрямую, без оптики, безрадостный финал. Фонтан брызг медленно осел. Видны были взмахи

рук одного пловца. Пухов поднял глаза, посмотрел по сторонам: голова старпома в рубке, группа рядом с капитаном, одиночные сотрудники и матросы — все смотрели на него...

Шлюпки одна за другой подошли слева и справа к месту взрыва. Спасатели по одному остались в шлюпках, остальные прыгнули в воду. Вынырнул аквалангист, снял маску, начал рассказывать заплетающимся языком, периодически выплёвывая попадающую в рот солёную воду:

— Ничего в воде не разобрать, мутно... На акулу не похоже и оно ушло, это существо... Здесь были Азия, Куртов и еще двое. Ищем!

Некоторые спасатели смотрели вверх на зависший над ними вертолет, затем погрузились в воду. В воде мутно, расплзается кровавое пятно, мечутся рыбёшки. Плывущий аквалангист увидел трудно различимое движение людей. Вблизи уже различалось тело женщины с безвольно опущенными руками. Рядом двое поднимали её к поверхности.

Из воды вынырнул Куртов, у него кровь на щеке. Судорожно глотая воздух сказал:

— Помогите поднять, здесь Азия.

Подплыли два спасателя, помогли приподнять голову Азии над водой. У неё на голове рана, на волосах «месиво», напоминающее частицы тела животного, возможно, и самой Азии. Подошла шлюпка. Спасатель опустил на воду носилки в виде корытца с бортами и спросил:

— Как будем поднимать? У неё из раны мозг виден. И вот это мясо. Упадёт ведь.

— Это останки животного, — возразил Василий.

— Зверюга ушел. Значит, это от Азии, — не согласился второй спасатель.

— Да она цела. Вот только рана в голове, — настаивал Куртов.

— Как знать! — продолжал гнуть свою линию спасатель в шлюпке. — Всё содержимое аккуратно поднять. Подведите поддон снизу, приподнимите. Затем выпустим воду. Можно будет как лодочку буксировать.

Трое человек поддерживали Азию на плаву. Остальные погрузили в воду носилки, подвели их под Азию...

Михаил продолжал держать в руках трубку рации, обратился к стоящему рядом Лепёшкину:

— Куртов не отвечает. Не видел куда капитан исчез?

— Юрий Денисович в рубку побежал. Дайте-ка трубку.

Лепёшкин забрал рацию из руки собеседника, посмотрел на рубку, на вертолет.

— Стриж, я шестой... Витя, ответь.

— Слышу, Лёша. Я над ними. Азия, похоже, без сознания. Её помещают в носилки. На воде кровавый след уходит вдаль. Значит, не от Азии, — прозвучал по рации ответ Виктора. — Алексей глянул на Михаила Васильевича. — Да, оповестите врачей, пусть готовятся. У меня сигнал вызова от капитана. Вам до связи.

— Я всё понял, — произнёс Михаил и побежал к трапу, запрыгал по ступеням вниз...

Азия лежала в носилках, которые полностью затоплены водой. Один человек держал её голову над поверхностью. Несколько человек пытались приподнять носилки выше, чтобы слить воду. У них явно не хватало сил.

Василий Куртов подсказал спасателю в шлюпке:

— Свяжись с вертолётком. У него есть лебёдка. И быстрее надо. Времени в обрез!

Спасатель отцепил от пояса трубку рации, бросил взгляд на носилки с Азией, как бы оценивая, поднял голову к вертолёту.

— Стриж, я «четвёртый»?

— На связи. Наблюдаю. Что у вас?

— Нужна лебёдка, приподнять носилки из воды, чтобы слить воду.

— Понял!

Из-под порога двери вертолѐта начал опускаться трос. Одновременно вертолет сместился и остановился точно над носилками на высоте метров десять. Две шлюпки встали по бокам носилок, в каждой стояли по два человека, каждый из них держался одной рукой за кольцо на рукоятке носилок, вторая рука поднята навстречу тросу. Чтобы шлюпки не опрокинулись, с противоположной стороны на бортах повисли пловцы. На конце трос разделѐн на четыре куска, метра по три, с замками крепления. Спасатели поймали эти тросы и зацепили за носилки. Один сделал отмахку руками на подъѐм. Спасатель с рацией подал команду Виктору:

— Готово! Поднимай легонько.

Трос натянулся, носилки медленно вышли из воды, слегка покачиваясь, и зависли в полуметре от воды. Один из стоящих в шлюпке нажал рукой на клапан в дне носилок. Сосредоточенные взгляды моряков напряжѐнно ждали, пока вода с шумом выливалась.

Вертолет, не дожидаясь сигнала, плавно тронулся в сторону судна, постепенно увеличивая скорость. Спасатели в шлюпках, вопросительно подняли руки в немом вопросе. Один из спасателей не вытерпел и крикнул:

— Э! Куда это он?

— Всё правильно! — одобрил действия лѐтчика Куртов. — Пока шлюпка доплывѐт — поздно будет.

Спасатель с рацией громко оповестил:

— Все по шлюпкам. Направляемся к кораблю. Василий, ваши все здесь?

— Все. Вы плывите, а мы проверим кое-что.

Спасатели забрались в шлюпки, двинулись к судну. Куртов и ещё два аквалангиста сблизились, образовав «круг».

— Посмотрим, что с оборудованием. И, я думаю, надо пройти по следу акулы, будем её так называть, пока не поймѐм, что это за животное, — озадачил Куртов.

Один из аквалангистов засомневался в целесообразности:

— Она уже могла уйти далеко.

— Вообще-то акула ранена. Виктор подтверждает кровавый след, — подсказал второй.

— Ребята, кровавое месиво возле головы Азии — от акулы, уверяю. Не уйдет она далеко.

Нам надо увидеть её, — настоял Василий.

Второй аквалангист напомнил:

— Рация у нас есть? Надо ж сообщить.

— Рация где-то на дне, — констатировал Василий. — Пройдѐм метров сто, потом посмотрим.

Надели маски и ушли под воду...

По левому борту верхней палубы группа людей наблюдала за подлетающим вертолѐтом. Михаил стоял чуть в стороне, тѐр рукой лоб, поворачивая голову влево-вправо. К нему подошёл капитан.

— Михаил Васильевич, вам, наверное, лучше уйти... куда-нибудь. — ободряюще потрогал учёного за предплечье и отошёл к группе встречающих.

— Юрий Денисович, — обратился к капитану Голик, — давайте я буду руководить приёмом пострадавшей, как врач.

Действуйте, — коротко ответил капитан.

Из прохода вышли Надежда Ивановна с Петей. Михаил заметил их и резко окрикнул:

— Вы зачем здесь?! Уведите ребѐнка.

Надежда от неожиданного обращения вздрогнула и попятилась назад, обнимая рукой Петю за плечо, крепче прижимая к себе. С испуганным выражением лица оглядела скопление людей.

— Да что случилось?

Многие из присутствующих оглянулись на неё. Лепешкин подошёл к ней.

— Надежда Ивановна, дорогая! Мальчика, действительно, надо увести отсюда. —

Надежда молча с тревогой глядела на вертолет. — Беда случилась.

Надежда Ивановна заметила удручённый вид Михаила, со слезами на глазах увела Петю. Михаил, опустив голову, поплёлся вдоль борта, прочь от остальных.

Голик громко и чётко отдавал команды:

— Готовимся принимать! У борта — четверо назначенных, остальные — в сторону, наготове. Проход освободить. Носилки с Азией замерли, чуть покачиваясь, метрах в десяти от борта и выше метра на два, затем начали медленно приближаться к борту, одновременно опускаясь вниз. Сотрудник с рацией подсказывал Виктору:

— Ниже и ближе.

Вертолет сместился к судну. Он ненамного выше навесной палубы. Из кабины видна голова Виктора. Он попеременно смотрел то на судно, то внутрь кабины.

Носилки слегка раскачивались. Руки встречающих потянулись к рукояткам. Неожиданно порыв ветра сильно качнул носилки. Один человек, потянувшись за борт, словил рукоятку и потянул носилки на себя. Следом второй ухватился за другую рукоятку. Одну сторону завели вперед, поперек борта. Третий человек потянулся к дальней рукоятке.

Михаил Васильевич подбежал к носилкам. Его придерживали за плечо, не давая подойти ближе. Он увидел лицо Азии. Его глаза округлились: в них боль и ужас.

Сотрудник с рацией сообщил Виктору:

— Держим! Ещё чуть ослабь.

Трос сместился на полметра. Носилки теперь большей частью над палубой.

Виктор выглянул из кабины вниз, сказал по рации:

— Всё. Больше не могу.

— Достаточно. Сейчас отцепим.

Четверо матросов подняли носилки выше и трос провис. Помощники быстро отцепили тросы от носилок.

— Быстро в реанимацию, — скомандовал Голик. Люди с носилками исчезли в проходе. Голик взглянул на часы. — Минуты две на спуск, пусть минута на подлёт, и там... не знаю сколько. Должны успеть! Реанимацией займётся Анастасия Семёновна. Там пока без меня справятся. Юрий Денисович, соберитесь все в моем кабинете.

Голик очень быстро поспешил туда, где скрылись люди с носилками...

Вертолет коснулся палубы, двигатель выключился. Лопасты ещё вращались, а Виктор стремительно выскочил и бегом к трапу...

Чуть дальше общей группы людей на верхней палубе стоял Зарми, а метрах в трёх от него — Смышляев. Зарми нервно пытался закурить. Смышляев заметил это и почти в прыжке оказался перед ним.

— Что за безобразие! Не курить!

— Так ведь... пострадавшего унесли.

— Здесь вообще не курят!

— Excuse me. А где тогда курят?

— Здесь — это значит: на корабле, везде на корабле не курят!

— Извинять меня, — поспешно признал неосознанную вину гость, дополнил слова жестами и быстро бросил сигарету за борт. Смышляев инстинктивно потянулся руку вслед за исчезнувшей сигаретой, словно пытаясь поймать её.

— Океан — это вам не урна для мусора!

— А, боитесь обитателей отравить?! — с долей ехидности заметил Зарми.

Смышляев промолчал, не хотелось распространяться о чистоте эксперимента в их исследованиях.

Сомов приблизился к борту, посмотрел вниз и увидит подходящие к борту шлюпки с вернувшимися спасателями.

— А Куртов... что?

— Он и ещё двое пошли по следу акулы, от неё тянется кровавый след, — ответили капитану со шлюпки

— Так всё-таки акула? Откуда ж она здесь?!

— Они не уверены. Не успели разобрать. Похожа, но не совсем, — уточнил старший из спасателей.

— Вот что: двое на одной шлюпке отправляйтесь к нему, для страховки; впятером вместе. Вторую шлюпку поднять.

К капитану тут же обратился подошедший Зарми:

— Господин капитан, — Сомов поморщился от непривычного обращения, — что я могу уже сейчас сообщить моим читателям о трагедии.

— О чём, о чём?!

— Я успел заметить израненную женщину.

— Главное вы не успели заметить: это беда, но не трагедия. И, как репортёр, должны понимать, что сообщать следует лишь достоверную, информацию!

Капитан, не дожидаясь ответа, отвернулся и ушёл. Зарми последовал туда, где стоял прежде — к Смышляеву, и заговорил с ним.

— Раз уж курить здесь нельзя, то уж виски, надеюсь, найдётся? Где у вас бар?

— Виски не держим.

— А водка, русское достояние, точно должна быть. Как же без неё.

— И водку терпеть не можем.

— Но коньяк непременно есть. Его все обожают.

Смышляев смотрит по сторонам — разговор ему не интересен.

— Коньяк, видимо, есть... у капитана: для важных гостей. А вот бара точно нет.

— Черт возьми! После напряженного дня надо же как-то расслабиться. Как вы расслабляетесь?

— А мы не напрягаемся, вот и весь сек-рет. — Смышляев пристально смотрел в сторону, его что-то заинтересовало, и он рассеянно приставил палец к груди Зарми. —

А фамилия ваша как?

Зарми открыл рот, моргая глазами.

— Фэмили? Почему вас интересует моя семья...

Смышляев увидел матроса из спасательной команды и устремился за ним, догнал, ухватился рукой за плечо, развернул к себе лицом.

— Постой, ты был там. Расскажи!

— Нам всем нужна выдержка! Всему свое время, — сказал устало спасатель и пошёл с понуро опущенными плечами...

В каюте судового врача собрались руководители и ответственные сотрудники.

Голик стоит у двери, ведущей в другие помещения медико-санитарной части. Михаил, Лепёшкин, штурман Львов и ещё двое моряков сидели. Открылась дверь, вошли Виктор и, через пару секунд, капитан.

Анатолий Павлович с серьёзным озабоченным лицом начал своё сообщение.

— Анастасия Семёновна, как терапевт, руководит реанимацией. Будем надеяться на успех и поведём разговор с этой позиции... потом приступлю я со своими помощниками... То, что требуется операция — несомненно. И проводить её нужно здесь, потому что нет времени и, главное, возможности транспортировать пострадавшую куда-то. Да и куда?! В дальнейшем, вполне возможно, надо будет везти Азию для полноценной помощи. Стоит уже сейчас продумывать все возможные варианты. — Голик задумался, разминая пальцы рук.

Виктор изложил свои соображения:

— Вдруг волнение усилится, тогда проведение операции осложнится. Может, уже сейчас идти к ближайшему острову с хорошей бухтой?

Михаил Васильевич не выдержал, встал и решительно взялся за ручку двери в следующее помещение медицинской части. Голик положил руку поверх его руки.

— Не сейчас. Ждите, надейтесь...

Некоторое время все молчали. Капитан выглянул из каюты, взмахом руки обратил внимание матроса на себя.

— Вахтенный, сходи в радиорубку, узнай погоду.

Сомов закрыл дверь, штурман Львов встал, показал Юрию Денисовичу на стул.

— Товарищ капитан, я пойду посмотрю лоции ближайших островов. Буду искать бухту.

— Действуй... Виктор, по твоей части: выяснять в какие страны и города летают самолеты с ближайшего аэропорта. Ещё...

В это мгновение медленно открылась дверь из медицинской части. Вошла обессиленная, с каплями пота на лбу Анастасия Семёновна. Все замерли в напряженном ожидании. Михаил встал. Голик, сдвинув брови и затаив дыхание, глядел в глаза терапевта и вдруг заулыбался, выдохнул.

— Дышит, — объявила Анастасия. — Она без сознания, но состояние стабильное. Прогнозы не делаю. Анатолий Павлович, можете осматривать.

Анастасия присела на место Михаила Васильевича. Голик шагнул в открытую дверь процедурной — следующей каюты медчасти, обернулся, бросил взгляд на Михаила Васильевича

— Никому не входить. — Анастасия Семёновна, передохните и присоединяйтесь.

— Переходим все в рубку, — заявил капитан. — Я пришлю сюда кого-нибудь для связи и помощи, если потребуется...

Один за другим вынырнули Куртов и двое аквалангистов.

— Радию без толку искать, — начал первый. Я видел поврежденный ящик, он затонул. Больше ничего.

— Покажешь мне ящик, — сказал Василий, — потом пройдемся за акулой. Держаться на виду. Если нужно сообщить что — сигнал на всплытие.

Моряки погрузились, оставляя пузырьки на поверхности с пока ещё слабым волнением. Куртов махнул рукой «за мной», и напарники вслед за ним уходили глубже и в сторону. Достигли дна. Виднелся мутно обрисованный куб. Вблизи он оказался ящиком. Двое осмотрели его со всех сторон. Один отошёл и разглядывал дно поблизости. Куртов присел и, приблизив лицо почти вплотную, изучал угол ящика, тёр пальцем. Затем Василий встал в полный рост, подал сигнал следовать за ним. Все трое поднялись ближе к поверхности и поплыли друг за другом. Ничего, что могло заинтересовать их внимание, не обнаружилось, и Куртов показал «наверх». Три головы появились над поверхностью. Маски сняты. Начал Василий.

— На углу ящика следы крови. Возможно, Азия ударилась об этот угол.

— Возле головы Азии видели, что было? А на дне и в воде ничего нет, — продолжил аквалангист, тот, который постоянно выдвигал противоречивые версии.

Второй напарник пояснил:

— Точнее, ничего не осталось. Рыбы! Ну что, есть ли смысл идти по следу? Тем более нет корректировки с воздуха. Можем уйти в сторону. Да и след размывается.

— Это чудовище либо где-то рядом, если серьёзно ранено, либо ищи-свищи её, — рассуждал Куртов. Подумал и решил: — Ещё пройдем.

Трое плыли под водой: Куртов — посередине, двое — по бокам в нескольких метрах. Послышались глухие удары. Аквалангисты собрались вместе, вертя головами по сторонам. Куртов знаками изобразил человека, который гребёт вёслами и затем ударяет веслом по воде.

Двое кивнули головой. Василий показал рукой вверх. Вынырнули и увидели невдалеке шлюпку с двумя матросами. Они призывно махали «сюда». Аквалангисты подплыли. Спасатель в лодке проинформировал:

— Приказ возвращаться. Только что передали: готовятся идти к острову в бухту.

— Надо, значит надо! — проворчал Куртов. — Жаль, конечно: если уйдём отсюда, то ничего позже не посмотришь.

— Сейчас все думают об Азии.

— Понятное дело! — согласился Василий и закивали его напарники.

Аквалангисты забрались в шлюпку. Отяжелевшая «посудина» направилась к судну.

Часы на стене капитанской рубки показывали шестнадцать тридцать девять. Это было время Владивостока — родного порта корабля. Игорь Степанович не раз предлагал выставить Гринвичское время, но Сомов не соглашался: «Кому надо — быстро сосчитает, где который час».

Предвечернее небо затянуто облаками, и в рубке включено освещение. Капитан, старпом, штурман и Виктор стояли возле столика, на котором разложена карта; в стороне находился радист. Михаил и ещё двое сотрудников сидели в ожидании принятия решения и указаний. Штурман Лев Львов показывал на карте.

— Из ближайших островов, до которых хода от трёх до пяти часов, места для стоянки только у двух. Вот этот, сорок миль от нас, самый удобный для рейда; недостаток — близко нет аэропорта. Второй — в противоположную сторону: бухта не так удобна, семьдесят пять миль, но аэропорт близко и, при необходимости, вертолету полчаса лёта.

— Что с погодой? — спросил капитан.

Радист встал и доложил:

— Так я отдал вахтенному подробное описание. Он пошёл вниз, к медикам.

— Без описаний, коротко и ясно — рассказывай.

— Приближается тёплый фронт. Максимум облачности и осадков — к полуночи. Завтра будет ясно, но ближе к ночи — прохождение холодного фронта. И тогда жди пять-шесть баллов на воде.

Капитан молча размышлял, глядя на карту. Штурман барабанил пальцами по карте, глядя в окна. Капитан рукой взялся за пальцы штурмана и отодвинул их на край столика.

— Да, знать бы результат операции... — задумчиво произнёс Сомов. Обратился к штурману: — Подробнее про дальний: где там бухта, как становиться будем, если подойдём при сильном ветре?

— Согласно справочника, не заселён, следовательно, нет аэропорта и морского порта тоже нет. Недалеко...

Старший помощник Игорь решительно вмешался в разговор, прерывая штурмана:

— Я считаю, что единственно верное решение — это сообщить в МЧС России, так как только оттуда получим квалифицированную помощь: врачей, оборудование, лекарства.

— И всё это к нам на парашютиках доставят, съязвил штурман.

Старпом ответил на колкость мимической grimасой, продолжил высказывать мнение:

— В МЧС есть самолёты-амфибии.

Юрий Денисович встал перед старпомом и, сопровождая слова жестом указательного пальца — как восклицательный знак, — твёрдо заявил:

— Такого универсального врача, хирурга, как Анатолий Павлович, во всей России ещё надо поискать! И оборудована судовая медсанчасть хорошо. Не забывайте также, что у Азии есть отец, который и решает, где лечить! — Капитан подошёл к переговорному устройству, нажал клавишу-кнопку. — Машинное, подготовьтесь запускать двигатели. — Посмотрел на присутствующих. — Снимаемся с якоря, идём на дальний остров. Как его... там, штурман?

Виктор напомнил:

— Куртов, наверное, не вернулся ещё.

Старпом едва заметно ухмыльнулся, усмотрев оплошность капитана. Сомов заметил это.

— Я ж не говорю, что сей момент. Про Куртова я сам выясню. Лепёшкину проверить, собрано ли оборудование на воде... Готовимся!

Игорь увидел неодобрительный взгляд Виктора. Они несколько секунд смотрели в глаза друг другу. После молчаливой дуэли старпом приступил к словесной перепалке:

— Командиру воздушного судна есть чем заняться возле своей машины, а не совещаться везде и всюду!

Капитан резко обернулся на реплику и вмешался:

— Командир воздушного судна, по роду своей деятельности, такой человек... —

капитан подошёл к Виктору, положил руку ему на плечо, — который умеет принимать быстрые и, зачастую, единственно верные решения. Тем более, если он ещё и умён! Поэтому я прислушиваюсь к мнению Виктора. Да и не я один... — Михаил поднял голову и кивнул. — И прекратим прения! За дело!

— Юрий Денисович! Что с гостями? Не надо ли отвезти их на берег? — обратился Виктор.

— В сложившейся ситуации — нет! Придётся оставить, лететь тебе сейчас нельзя!

Присутствующие в рубке начали расходиться. Виктор направился к вертолёту. Михаил Васильевич хотел последовать за ним, но его притормозил за локоть Сомов.

— Подождите, давайте наедине обсудим... кое-какие моменты. — С минуту медленно и молча шли к трапу. Капитан остановился, изучающе посмотрел на спутника, пытаясь понять его состояние. Понял, что лишние разговоры ни к чему, сказал простую фразу:

— Я послал шлюпку за Куртовым. Встретим их и расспросим.

Михаил отрешённо согласился:

— Расспросим...

Спустились на верхнюю палубу и остановились у борта, наблюдая за подходящей к борту шлюпкой. К ним присоединились ещё несколько человек, Матрос с борта опустил трап, и аквангисты поднялись на палубу. Куртов сразу же подошёл к Сомову и Носову. Втроём медленно двинулись вдоль борта к носу судна. Куртов находился посередине и во время рассказа поворачивался то к одному, то к другому.

— Я увидел Азию и сразу предупредил, что мы сворачиваем работу и ей лучше плыть к судну. Почти тут же вынырнул один из наших и показал на вздыбленный вал воды, движущийся на нас. Я лишь успел крикнуть «ныряй к судну», как попал в круговерть. Нечто, похожее на акулу, будто специально создало водоворот. — Василий

посмотрел туда, где произошла встреча с акулой. — Меня так завертело, что не мог выбраться в сторону; остальные, думаю, тоже. Потом выстрел. Попали точно. Азия получила рану не от снаряда. Мы на дне нашли ящик, в который собираем колбочки с пробами. Так вот: на углу ящика кровь — след удара. Голова Азии повреждена этим острым углом!

— Вася, чем не похожа на акулу эта тварь? — проявил интерес относительно спокойным голосом Михаил.

Куртов задумался, развёл руки, словно собираясь показать, почесал затылок.

— Ну... как бы покороче. Да, и пропорции другие: спина более изогнута, вроде горба такого плавного... А, и вроде нос другой... длиннее и острее, как мне показалось.

— Нос, говоришь, острее, — переспросил Михаил. — Не могла ли тварь носом ударить Азию.

Куртов покачал головой, отрицая.

— Нет, не думаю. Проломить череп... простите, Михаил Васильевич, можно чем-то твердым... Мне сказали, собираемся уходить отсюда?

— Да, — подтвердил Юрий Денисович. — Операция идет, результат неизвестен. Нужно думать о спасении Азии, поэтому, на случай необходимости, идем ближе к аэродромам. Придется вам забыть о попытках найти акулу-мутанта.

Все замолчали, глядя на океан, на пасмурное небо. Подошла Надежда Ивановна, остановилась в нескольких шагах.

— Петя проголодался. Пойду на камбуз. — Надежда замерла, глядя вниз и в сторону, в ожидании и настороженности. Капитан бросил взгляд на Михаила, и остановил Надежду.

— Минуточку, Надежда Ивановна, вы должны знать: Азия ранена, сейчас идет операция. Для меня, да и для всей команды, это горе, такое, как и для вас с Михаилом Васильевичем. Крепитесь! Вместе выстоим! Сделаем всё возможное и невозможное, но она вернется к полноценной жизни. Я уверен, и пусть такая же уверенность не покидает вас!

Надежда кивнула в знак благодарности за ободряющие слова и ушла. Подошёл Лепёшкин, также смотрел некоторое время вслед Надежде, и, когда она скрылась, доложил:

— Я всё проконтролировал. Готовы к плаванию.

Михаил повернулся к Лепёшкину, а капитан продолжал думать о Надежде.

— Какое у неё горячее сердце: и отзывчивое и ранимое... замечательная женщина... я к себе — в рубку...

В бортовом журнале за датой второго февраля 2009 года появилась запись о драматическом происшествии.

Каюта судового врача. Ночь. Включено слабое освещение. На часах — три часа сорок семь минут. На стуле сидит посыльный матрос, зевая и подёргивая плечами. В углу, также на стуле спит Михаил: руки на спинке стула, голова на руках. На лице — выражение напряженности. Из-за лёгкого толчка у матроса колыхнулась голова. Михаил открыл глаза и лежит, не поднимая головы.

Открылась дверь из процедурной — соседней комнаты медицинского отделения. Появился Голик, за ним Анастасия; она массировала пальцами левой руки глаза. Голик быстро окинул взглядом каюту. Анастасия шёпотом посоветовала:

— Идите отдыхать, а я подежурю.

Голик достаточно громко произнёс:

— Здесь уже никто не спит. А отдыхать пойдут все, в том числе и Михаил Васильевич. — Обратился к матросу: — И ты, служивый, иди.

Михаил принял позу обычно сидящего человека и спросил:

— Я почувствовал толчок, что это было?

— Думаю, якорь отдали, — ответил Анатолий.

— А-а, понятно, — не совсем уверенно проговорил Михаил и изучающе посмотрел на Голика. Тот устало снял шапочку, халат, сказал профессиональным тоном без эмоций:

— Отдыхать, всем отдыхать. Позже все подробности... Жива, спит.

Михаил вышел из прохода к каютам на открытую палубу. Остановился посередине, посмотрел налево — в слабом освещении виден силуэт матроса на корме. Глянул направо — там тоже кто-то находился. Сделал несколько физических упражнений. Подошла Анастасия, незаметно для Михаила.

— Врач приказал спать, а вы приободряетесь. Нарушитель!

Михаил от неожиданности вздрогнул, смутился. Анастасия ободряюще приложила руку к его груди.

— Вам, действительно лучше отдохнуть. Ближайшие дни будут очень непростыми! — Анастасия заметила ожидающий взгляд Михаила, и, предугадывая вопрос, продолжила:

— Только лечащий врач — Анатолий Павлович — имеет право комментировать состояние пациента. Но я всё же скажу вам: операция прошла успешно, но не так всё просто. Голова — сложный аппарат...

Анастасия увидела появившегося в нескольких метрах Зарми и досадливо поморщилась. Михаил заметил её реакцию, обернулся к Зарми. Решил, что нужно сообщить Анастасии о незнакомом для неё человеке:

— Знакомьтесь: наш гость, по совместительству австралийский корреспондент Зарми; доктор Анастасия Семеновна.

Анастасия слегка наклонила голову в знак приветствия. Михаил обратился к чужому:

— Вам, что же, не нашлось каюты, ночуете на палубе?

— Очень приятно познакомиться, — проигнорировал вопрос учёного корреспондент и продолжил нарочито жалуюсь: — Мне как раз не хватает доктора. Курить запрещено, выпивать нечего, как жить?!

Анастасия поняла тон Зарми, ей не нравился этот разговор, что отобразилось на её лице. Михаил догадался о её мыслях и бесцеремонно высказал Зарми:

— Шли бы вы... спать!

Зарми едва заметно улыбнулся-ухмыльнулся и пошёл вдоль борта.

Настя обратилась к Носову:

— Как-то вы его... грубовато.

— Если несколько раз подряд без пауз повторить слово Зарми, то прослушивается другое имя — Мирза. Что-то азиатское. Не похож на австралийца!

Анастасия улыбнулась. Нежно похлопала ладонью по груди Михаила и сказала, чуть смеясь:

— Дорогой Михаил Васильевич, Вы прямо как Шерлок Холмс... — Перешла на серьёзный тон. — Как вы думаете, мог он слышать, что я говорила об Азии?

— Да не думайте вы об этом! Чёрт с ним! Если и слышал звон, не знает, где он...

Пойдемте отдыхать.

Анастасия устало кивнула несколько раз, уходя махнула рукой. На лице Михаила отобразились лёгкая улыбка и нежность, быстро сменившиеся на страдание.

3. Бухта

Раннее утро — солнце едва поднялось над горизонтом. На палубе несколько сотрудников, удивленно разглядывали панораму — берег острова в двух кабельтовых. Появились вместе Валера, бритоголовый и Березкин, который и выразил общее удивление:

— Не-э по-онял! Это что?

Валерий ответил в привычной манере:

— Не это что, а это где! Ну и горазд же ты спать! Не чувствовал, что ли — всю ночь шли... Хорошая бухта... Вон Лепёшкин идёт. Он от начальства больше узнаёт. Его и спросим. Лепёшкин приблизился и, как обычно, глянул на часы.

— Не вижу оборудования. Море давно проснулось — пора с ним знакомиться!

Один из сотрудников возразил:

— Но здесь ведь совсем другая, видимо... экосистема. На прежнем месте одни результаты — тут будут другие.

Лепёшкин стоял на своём:

— Вот и сравним! Начинайте, ребята.

— Мы начинали обычно в восемь часов; сейчас рано — ещё семи нет, — вставил слово обычно молчаливый Берёзкин.

Лепёшкин недоумённо уставился на часы.

— Да-а? Надо же! Ну, раз уж проснулись, работайте — что стоять-то порожняком!

Вдоль борта к ним приближался Михаил Васильевич. В ожидании все смотрели на него. Он сдерживал свои чувства и держался неплохо.

— Вы уже работаете? Похвально... Юрия Денисовича не видели? Наверное, отдыхает — ночью вёл судно.

Неожиданно раздался голос капитана:

— Это кто отдыхает — я, что ли? — Все подняли глаза вверх. На навесной палубе стояли Сомов и Брагин. — Вы своими делами занимайтесь; мы с командой обследуем бухту на шлюпках. А самая важная работа — у Анатолия Павловича.

— Товарищ капитан, а мы далеко уплыли? — спросил Берёзкин.

Юрий Денисович отшутился:

— Поехали с нами на берег: у местных и спросим... Не так уж далеко ушли. — Капитан повернулся к боцману, и они куда-то отправились.

В каюте дежурного врача сидела Надежда Ивановна. Открылась потихоньку дверь, заглянул Михаил. Одновременно из противоположной двери, ведущей в процедурную, вышла Маша.

— Надежда Ивановна, дорогая! Идите в каюту, мы сами справляемся.

— Так вам тоже отдохнуть нужно, а я бы присмотрела, — предложила Надежда.

— Нет необходимости. И вы, Михаил Васильевич, идите. Анатолий Павлович только десять минут назад ушёл. А без него что вы будете здесь сидеть?!

Маша стояла в дверях, ожидая. Носов, подчиняясь разумному увещанию, подал руку Надежде, помогая встать, затем, придерживая за плечи, повёл к выходу. Вышли из каюты, закрыли за собой дверь и медленно пошли по коридору. Михаил Васильевич подумал о необходимости поговорить.

— Надежда Ивановна, я... наверное...

Женщина остановилась, ладонью прикоснулась к груди Михаила. На её лице отобразилось выражение понимания того, что он хочет сказать и просьба «не нужно».

Виктор и штурман смотрели вниз на бухту, на остров — каждый в свою сторону, с высоты метров пятидесяти. На коленях штурмана лежала карта. Он временами глядел на карту, затем на океан; чертил карандашом на листах бумаги.

— Давай ещё раз пройдем над входом в бухту, затем осмотрим остров.

— Как прикажешь! — согласился Виктор.

Посмотрели друг на друга, улыбаясь. Вертолёт подлетел к гряде, ограждающей бухту от океана. Узкая полоска земли имела разрывы, в которые может пройти шлюпка. Зависли над входом в бухту, перемещаясь и разворачиваясь, чтобы удобнее рассмотреть землю и оценить глубину. Лев нанёс чертёж на бумагу, отложил в сторону.

— Достаточно! На остров!

Виктор подтвердил:

— Понял, вперёд к аборигенам!

— Остров немаленький. Пока осмотрим прибрежный район, а потом видно будет...

Капитан и боцман с навесной палубы наблюдали за вертолетом. Брагин предложил:

— Может, всё-таки, и на шлюпках пройдем, чтоб уж точно рассмотреть.

— С вертолётa прекрасно видно дно, штурман сравнивает со своими картами — по моему, вполне достаточно... Ну уж, если сильно хочешь, пройди... времени с избытком — мы здесь, по-видимому, надолго.

Михаил стоял в раздумье, почти без движения, лишь сцепляя руки то спереди «в замок», то за спиной. Подошёл Голик, в нескольких метрах остановился, наблюдая за Михаилом. Носов ничего не замечал — погрузился в воспоминание...

Неподалеку от берега возле дерева маленькая Азия смотрит на маму, потирает рукой голову. Мама прижимает к себе Азию, гладит по плечам, по спинке, целует в щёчки.

— Миленькая моя, головку надо беречь! Будь поосторожней!

Подходит сам Михаил, приседает рядом, смотрит в лицо дочурки.

— Солнышко наше, мама правду говорит — береги голову...

Видение закончилось, а Михаил продолжал стоять в раздумье, глядя на воду.

Голик приблизился и остановился рядом, направил взгляд также на воду.

— Вот вы где! Пока нашёл! Пойдёмте к Азии.

Несколько секунд оба оставались без движения. Голик медленно повернул голову к Михаилу. Развернулись, медленно пошли.

— Азия, — произнёс Голик нараспев и добавил обычным тоном: — имя такое... много значимое. Видимо, неспроста назвали так?

— Её мать была азиаткой, я даже не знаю точно, откуда родом. Мы жили в первые годы на островах. Там похожие имена были. Мама звала дочь Азия, с ударением на последний слог. Затем многие стали называть имя с ударением на «и», почему-то.

Местный диалект, что ли. И уже, поступив в университет, сама назвалась Азией. Действительно, получается много значимое имя: и континент, и родина.

Навстречу шёл Лепёшкин. Издалека обратился к руководителю:

— Михаил Васильевич, три часа берём пробы. Результаты, как и предполагалось, совсем не те: ничего похожего на ту аномалию. Есть ли смысл продолжать?

— Прекращайте... пока. Позже решим.

Лепёшкин кивнул, остановился, затем направился в обратном направлении.

Голик и Михаил пошли, не оборачиваясь дальше, миновали проход к каютам, затем по коридору с нарастающим темпом — ноги сами несли отца к дочери. Голик на ходу предупредил:

— Возле Азии будем совсем немного. Посмотрите и всё. Разговаривать будем вне реанимации.

Вошли в каюту судового врача. За рабочим столом сидела Анастасия.

— Дайте нам повязки, — попросил Анатолий Павлович.

Анастасия встала, открыла дверцу стеклянного шкафа, достала повязки-маски и, подала мужчинам. Оба нацепили маски, Голик открыл дверь в следующее помещение — процедурную, вошли туда. Голик снял с вешалки два халата, один подал Михаилу. В операционную Михаил входил с трясущимися коленями и побледневшим лицом. Но под взглядом врача взял себя в руки.

Азия лежала на операционном столе. К ней подключили много приборов; на нос одета маска с подходящей трубкой подачи воздуха; на голове повязка. Михаил приблизился вплотную к столу, глядел, не отрываясь, на лицо дочери, дотронулся рукой до её руки. Голик встал рядом, коснулся локтя Носова. Михаил оглянулся, понимающе кивнул головой. Вновь посмотрел на Азию и проговорил очень тихо:

— Доченька, возвращайся скорее!

Медленно убрал свою руку, повернулся, и оба вышли из реанимации. Вернулись к Анастасии. Голик начал разговор.

— Ну что, Михаил Васильевич, мы с Анастасией Семёновной обрисуем вам положение Азии. — Глянул на Анастасию, та кивнула в знак согласия. — Как вы видели, жизнедеятельность поддерживается искусственно. Другими словами — она в коме.

— Пока не стоит приводить её в сознание, — продолжила терапевт. — Пусть окрепнет. Мы контролируем возможности её организма; когда сердце и другие органы будут в полной готовности выполнять свои функции, выведем из комы. Думаю, по времени... — Анастасия повернула голову к Анатолию Павловичу. — Наверное, дней десять... пятнадцать.

— Наберитесь терпения, окунитесь в работу. Ждать и ещё раз ждать! И надеяться! — заключил Голик.

— Всё будет хорошо, я верю, и вы верьте! — добавила Настя.

В рубке собрались около десяти человек: старпом, боцман, штурман Львов и другие руководители команды. Сомов смотрел в окно на вертолётную площадку, наблюдая, как Виктор ходит вокруг машины, похоже, бесцельно. Капитан повернулся от окна к подчинённым.

— Ситуация такова... В этой бухте мы укрылись от возможных штормов, при необходимости повторных операций Азии... то есть мы в распоряжении врачей...

Интересуетесь, зачем изучали бухту? Ну, это что-то вроде фронтовой разведки — не помешает знать особенности нашего временного пристанища. — Капитан вновь глянул в окно на Виктора. — На берег не высаживаемся! Что будет делать наука, или ничего не будет делать — нас не касается. Обычная работа: вахты, наблюдения и постоянная готовность отправиться хоть на край света. Всем всё понятно?

Моряки молча слушали капитана.

Старший помощник издал звук, означающий «прочистить горло», и заявил:

— Я, конечно, не решаю ничего... — На лице Львова отобразилась лёгкая усмешка. — Но ведь понятно, что лучше всего отправить Азию в лучшие клиники на свете. Михаил Васильевич не простой рыбак с затерянного острова, а известный в научных кругах всего мира учёный, и его дочь примут... да везде! Время теряем для квалифицированной помощи Азии?!

Снова воцарилось общее молчание. Капитан задумался и словно нехотя начал говорить:

— У Михаила Васильевича жена умерла на острове. Как раз потому, что не было квалифицированной медицинской помощи. И он тогда решил, так оборудует своё научное судно, чтобы можно было оказывать абсолютно любую, ну, или почти любую, помощь больным. И те, кто давно плавает с ним, знают, скольких людей мы спасли! Михаил Васильевич абсолютно

доверяет Анатолию Павловичу, и оба они надеются на моё понимание... и на понимание всей команды, разумеется! Так что к этой теме больше не возвращаться... в моём присутствии!

В кают-компании научных сотрудников собрались почти все учёные.

В обширном помещении на стене висела демонстрационная доска, возле — стол, у которого стоял Михаил. Оглядел всех и начал говорить непривычно мягко и тихо:

— Друзья, я собрал вас, чтобы подвести некоторые итоги наших исследований и, вообще, поговорить... В лаборатории обработаны все пробы из океана. Проведён анализ. Вот, Кирилл Евсеевич — заведующий лабораторией — говорит о любопытных, обнадёживающих результатах. Приятно думать, что не напрасен наш общий труд... Так получилось — вынуждены прервать работу...

Михаил замолчал и вездесущий Алексей Лепёшкин тут же обозначил общий настрой:

— Михаил Васильевич, мы всегда с вами: и в работе, и в жизни! Поддерживаем во всём... Азию любим... — в каюте возникло оживление, — ... все, и, если нужна кровь или что ещё — готовы помочь... И вообще, я считаю, что наш корабль должен носить имя «Азия».

Оживление перешло в лёгкий шум, с улыбками на лицах. А Валерий — такой же зубоскал — блеснул остроумием:

— Лёша, твоя кровь не подойдёт: испортишь красивую девушку — вдруг передашь ей твою язвительность.

Сотрудники дружно засмеялись. Михаил поднял руку, прося тишины.

— Раз смеётесь — значит, энергии ещё достаточно. Молодцы! Спасибо, друзья!

После встречи учёные разбрелись кто куда — нет обычного исследовательского напряжения. Вынужденный простой расслабил с одной стороны, но заставил напрягать воображение — чем заняться.

Солнце висело низко над горизонтом. Берёзкин и Смышляев бесцельно передвигались вдоль борта, как, вдруг, заметили впереди бритоголового, смотрящего на воду за бортом. Берёзкин первым начал обсуждение.

— Слышь, а этот лысый — неплохой парень, как мне кажется.

— Он не лысый, а бритоголовый... Да, он хорошо помогал тогда, в то кровавое воскресенье...

Молча подошли к нему, остановились рядом, и тоже стали изучать воду.

— Слушай, дружище! Ты уже столько дней с нами, а мы даже имени твоего не знаем, — миролюбиво поинтересовался Берёзкин.

Смышляев не дал возможности ответить — решил поиграть:

— А некоторые так некультурно обзываются: лысый да лысый. А какой же ты лысый, ты — просто бритоголовый. А зовут...

— Вова.

— Во-ва! Вова так Вова! Нормальное имя, не то, что бри...

Берёзкин не выдержал насмешек напарника и перебил:

— Да хватит тебе! — А Вове сочувственно сказал: — Не обижайся! Ты теперь в нашей команде. Значит, наш друг!

Троица заметила Виктора, который стоял на навесной палубе и глядел вдаль.

— Привет, стриж! — окликнул пилота Берёзкин. — Виктор махнул рукой в ответ. —

Капитан интересовался, когда мы в последний раз видели корреспондента. Тебе сверху видно всё! Не встречал?

— Не тянет он на корреспондента! Не видел. И зачем он капитану?

— В том-то и дело, что его вообще три дня никто не видел. Исчез! — пояснил Смышляев. Спросил у Вовы: — Вы с ним вместе прибыли. Не общались позже?

— Нет, не приходилось. Сами же знаете: такое тут началось! Не до общения.

Смышляев равнодушно заметил:

— Найдётся, куда он денется! — Манерно воздел руки, обращаясь к Виктору: — Душа полёта просит, и сердце рвётся вдаль. Да?

Виктор молча махнул рукой и ушёл из поля зрения. Друзья истолковали его немой жест, как «А-а, что там говорить?!»

Матрос Пухов и врач Маша стояли рядом на верхней палубе, глядя друг на друга. У Пухова понурый вид, он опустил голову, покачивая из стороны в сторону. Маша прикасается к его щеке, гладит.

— Не надо казнить себя! Ты ни в чём не виноват. Выстрел не задел Азию. Василий сказал, что её швырнуло на ящик. Наверное, акула хвостом сильно взмахнула. — Пухов поднял голову, приободряется, глаза повеселели. — Если бы не стреляли — неизвестно, как бы закончилось, может, ещё хуже.

Пухов дотронулся ладонью до щеки Маши.

— Спасибо, что ты за меня!

Она поцеловала его и отстранилась, оглядываясь по сторонам.

— Мне надо идти.

Наступила суббота 7 февраля 2009 года.

Вертолет коснулся палубы, двигатель выключился, лопасти винта замедлили вращение. Подошёл капитан, ждёт. Выпрыгнул Виктор, держа руках папку с документами, приблизился к Сомову.

— Ну, и о чём интересном хотел рассказать? — сразу же к делу приступил капитан.

— На обратном пути не выдержал, сделал небольшой «крюк» к месту происшествия. — Виктор подал документы капитану. — Это вам... Так вот, там какое-то судёнышко околачивается, на рыболовное не похоже, флага нет. Не стал над ними кружить, в сторонке прошёл. Но разглядеть можно было: на палубе много необычного для такого судна оборудования. Такое впечатление, что ищут что-то, уж не нашу ли зверюгу?

Может, мне прямо сейчас с двумя-тремя крепкими ребятами нагрянуть к ним?

— Похоже на авантюру! С твоей стороны, конечно... Подумаем: если решим — надо подготовиться, а не наобум!

Вертолёт летел низко над водой, постепенно набирая высоту. Виктор — на левом кресле пилотов, штурман — на правом. Пилот выплянул из кабины в салон, где расположился Куртов.

— Василий, значит так: ты готовься идти на бордаж! — Повернулся ко Львову. — А твоя задача заснять на видео, всё на палубе.

— И под палубой, и под водой! Есть, товарищ командир! — как пионер отбарабанил штурман.

Некоторое время летели молча: Крылов смотрел на море и на приборы, Львов глядел на карту, на приборы, Куртов проверял ремни своей экипировки.

Лев доложил:

— Подходим — если, конечно, они там, где ты их видел!

— Сначала пройдем в стороне, повыше — в бинокль рассмотрим.

— Да вон он, этот таинственный линкор. — Штурман отложил карту, взял в руки бинокль, направил на чужое судно. — Левай градусов десять!

В бинокль видно было судно под углом, в стороне. На палубе отчетливо различались фигуры троих человек и продолговатый предмет, накрытый чем-то вроде брезента. Виктор резко переложил вертолёт в правый крен.

— Заходим! — обозначил Виктор.

— Похоже, поймали! — констатировал Лев, имея ввиду лежащий на палубе объект.

На палубе находились три человека, похожих на рыбаков. Один из них поднял шлем от водолазного костюма и начал спускаться по ступеням в трюм. Другие

заметили вертолёт в вираже с большим креном. Вертолёт вышел из виража и снижался прямо на судно. Один из «рыбаков» прокричал короткую фразу на неизвестном языке. Второй ответил ещё короче.

Вертолёт завис над палубой ближе к носу, на высоте нескольких метров. Открылась дверь, высунулся Куртов, полез вниз, ухватился за трос лебёдки, поставил ногу на небольшую подножку на тросе. Трос начал опускаться. В полуметре от палубы Куртов прыгнул. «Рыбаки» застыли в немой сцене. Из трюма поднялся и тут же замер от увиденного человек в гражданской одежде. Василий подскочил к предмету, накрытому брезентом, резко сдёрнул полотно. «Рыбина» длиной метров пять напоминала акулу и дельфина одновременно, но разглядывать и, тем более, изучать её не было времени. В проёме двери вертолёта сидел Львов и снимал на камеру происходящее. Куртов наклонился, две-три секунды раздумывал, вытащил нож и отрезал частицу плавника. Быстро встал, вставил нож, подошёл к тросу, схватился за него руками в перчатках и поставил ногу на подножку. Трос пополз вверх. У проёма двери Куртов подтянулся на руках и забрался в салон. Дверь закрылась. Лишь тогда люди на палубе пришли в себя. Человек в гражданской подошёл к «рыбе» и уставился немигающим недоумённым взглядом на обрезанный плавник. Вертолёт развернулся и с набором высоты полетел прочь. Человек в гражданской отдал резкую короткую команда на своём языке. Один из «рыбаков» побежал к небольшой рубке.

Виктор управлял машиной и одним глазом наблюдал, как Куртов, стоя в проходе, показывал кусок плавника штурману. Лев повернул голову к приборной доске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.